

## I.

Герой „Крейцеровой сонаты“ начинает рассказ о своей горемычной жизни характеристикой своей личности в юношескіе годы, причемъ нѣсколькими штрихами рисуетъ намъ ту среду, которая его окружала и которая, какъ говорится, его заѣла. Исторія эта обыкновенная, но неприглядная. Будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже вкусилъ отъ „древа познанія добра и зла“, уже вступилъ на дорогу разврата. Всѣ, начиная съ докторовъ и кончая братомъ (а можетъ-быть и родителями), твердили ему, что внѣбрачное физическое общеніе съ жинщиною не развратъ, а дѣло самое обыкновенное и естественное. Всюду говорилось одно и то же, и мальчика никто не удерживалъ, никто не указывалъ ему другой, настоящей дороги, не убѣждалъ, что дѣлать того, что считалось въ его обществѣ пріятнымъ и полезнымъ, не должно, что развратничать значитъ прививать привычку къ многоженству и еще важнѣе—терять чистое отношеніе къ жинщинѣ вообще. Не встрѣчая ни съ которой стороны запрещенія, мальчикъ добровольно погружается въ развратъ, уединенія его дѣлаются нечистыми, и жинщина своею наготою, своею таліей, ножкой, плечами, всѣмъ тѣломъ своимъ смущаетъ его. У него, однимъ словомъ, начались тѣ страшныя мученія, которыя обусловливаютъ у насъ онанистовъ, эпилептиковъ, вообще физически, умственно, нравственно растлѣнныхъ людей. Домъ терпимости съ опасностью венерическихъ болѣзней сдѣлался для него своего рода „клубомъ“. Онъ сталъ *блудникомъ*. А физическое состояніе блудника подобно состоянію морфиниста, пьяницы, курильщика. „Какъ морфинистъ, пьяница, курильщикъ—уже не нормальный человѣкъ, такъ и человѣкъ, познавшій нѣ-